

Л 12771

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

БИБЛИОТЕКА
ДЛЯ БОЛЬНЫХ

СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА

С. С. М.
1909 III

3
мил. 2158

СОДЕРЖАНІЕ № 3

	СТР.
1. КЪ ЖИЗНИ. Повѣсть. (Окончаніе). В. Вересаева	8
2. ТУЧКОВЪ МОСТЪ. Стихотвореніе. Гликберга	50
3. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ ВЪ УНИВЕРСИТЕТЪ Евг. Ляцнаго.	51
4. БЫВШІЙ СТУДЕНТЪ. Разсказъ. Н. Никандрова	71
5. ЛЕТУЧІЙ ГОЛЛАНДЕЦЪ. Стихотвореніе. Сергѣя Кречетова.	88
6. К. МАРКСЪ и М. БАКУНИНЪ. П. Берлина	89
7. ОСТАВЬТЕ! (Изъ Оскара Леви). Стихотвореніе. В. Лихачова	113
8. НЕПРАВДА. Разсказъ. О. Руновой	114
9. * * * Стихотвореніе. Вл. Волькенштейна	128
10. СЪРЫЙ ДОМЪ. Романъ Германа Банга. Переводъ Н. Эфроса. Часть вторая. (Продолженіе)	129
11. ОБЪ ИСКУССТВѢ НАШИХЪ ДНЕЙ И ИСКУССТВѢ БУДУЩАГО. (Продолженіе). М. Невѣдомскаго	165
12. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. Разсказъ Карла Шенгерра. Пер. съ нѣм.	191
13. ЛЕДЯНАЯ СКАЗКА. Стихотвореніе. Вл. Ладыженскаго	202

Домъ Плеханова
№ 236

14. ОТЪ АТОМА КАНАДА И ДЕМОКРИТА ДО ЭЛЕКТРОНА НАШИХЪ ДНЕЙ. **В. Агафонова** 1
15. СИНДИКАТЫ И ТРЕСТЫ ВЪ РОССИИ. **Г. Цыперовича** 16
16. НОВЫЙ ТЕОРЕТИКЪ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. **Н. Тахтарева** 45
17. АНГЛИЙСКИЙ БЮДЖЕТЪ. (Письмо изъ Англи). **С. Рапопорта**. 58
18. ВОПРОСЫ ТЕКУЩЕЙ ЖИЗНИ. Въ мѣстѣ спокойномъ. **І. Ларскаго**. 72
19. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОТКЛИКИ. Тринадцать безсмертныхъ. **Вл. Кранихфельда** 84
20. ЗА РУБЕЖОМЪ. Внѣшняя и внутренняя политика Австро-Венгрии. **К. Вейдемюллера** 92
21. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. **Ник. Юрданскаго** 108
22. АНРИ БЕРГСОНЪ. (Замѣтка) **Г. Плеханова** 118
23. БИБЛИОГРАФІЯ И КРИТИКА. *Анатолій Каменскій*. Разсказы.—*Валерій Брюсовъ*. Огненный Ангель.—*Н. Полярковъ*. Разсказы.—*А. Будищевъ*. Черный буйволъ.—*Кнутъ Гамсунъ*. Поросль.—*К. И. Фоломѣевъ*. Счастье.—*Насимовичъ*. Силуэты.—*Г. Вяткинъ*. „Грезы Сѣвера“.—*П. В. Анненковъ*. Литературныя воспоминанія.—*С. А. Венгеровъ*. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы.—*Ивановъ-Разумникъ*. О смыслѣ жизни. Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ.—*Проф. Р. Витперъ*. Очерки изъ исторіи Римской имперіи.—*Г. Риккертъ*. Философія исторіи.—*Эд. Зеллиманъ*. Основы политической экономіи.—*А. Константинова*. Мадонны Леонардо-да-Винчи.—*Ө. И. Рербергъ*. Краткій курсъ исторіи искусствъ.—*В. Оствальдъ*. Эволюція основныхъ проблемъ химіи.—*К. Черновъ*. „Русланъ и Людмила“ М. И. Глинки 123
24. НОВЫЯ КНИГИ. 146
25. ОБЪЯВЛЕНІЯ. **Обложка**: Часы „Омега“; технич. конт. Деслеръ и Кроссъ; стенографія Животовскаго; книготорг. Шилова; изд. „Мира Вож.“; журн. „Современный Миръ“. **Послѣ текста**: изд. бр. Гранатъ; кн. маг. „Современникъ“; изд. „Миръ“ (Моск.); кн. маг. Анисимова; кн. маг. Крылова; кн. маг. „Общеполез. Чтеніе“; кн. маг. Федорова; кн. маг. Иванова; Для дѣтей; книгот. С. Чернова; муз. инстр. Петрова и С-на; кн. маг. Гомулина; учебн. пособия „Песталоцци“; „Исторія искусствъ“; „Ясная Поляна“; парох. Мельниковой; книготорг. Косцова; кн. маг. Мельникова; „Сатирикон“; „Боржомъ“; Ж. Блокъ (велосипеды). 151

Станкевичѣ и другихъ „идеалистахъ тридцатыхъ годовъ“. Но самымъ цѣннымъ въ сочиненіяхъ Анненкова представляются, безспорно, его литературныя воспоминанія. Трудно представить такое время, когдаистики русской интеллигенціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и биографы наиболѣе выдающихся представителей этой интеллигенціи будутъ въ состояніи обойтись безъ такого труда Анненкова, какъ „Замѣчательное десятилѣтіе“. Точно также едва ли когда погоряютъ значеніе для биографовъ воспоминанія Анненкова о пребываніи Гоголя въ Римѣ и о знакомствѣ съ Тургеневымъ. Всѣ эти цѣнныя воспоминанія теперь собраны въ одной книгѣ съ присоединеніемъ чисто-біографическихъ трудовъ: „Идеалисты тридцатыхъ годовъ“ и „Н. В. Станкевичъ“, а также писемъ Огарева и Тургенева къ Анненкову. Если вспомнить, что названныя статьи и письма раньше были разбросаны въ разныхъ изданіяхъ („Воспоминанія и критическіе очерки“ П. В. Анненкова, „Анненковъ и его друзья“, „Вѣстникъ Европы“ за 1884—1887 годы), то нельзя не порадоваться появленію разбираемой книги. Можно только пожалѣть, что издатель этой очень цѣнной и необходимой, не только для спеціалиста, но и для средняго читателя, книги ограничился простой перепечаткой произведеній Анненкова. Не только нѣтъ необходимыхъ для статей и воспоминаній Анненкова поправокъ, дополненій и комментаріевъ, оставлены не раскрытыми, ни въ текстѣ, ни въ предисловіи, даже начальныя буквы, которыми авторъ долженъ былъ обозначать такихъ лицъ, какъ Герценъ, Бакунинъ, Катковъ и др. Нельзя не пожалѣть также, что издатель „Литературныхъ воспоминаній“, напечатавъ въ этой книгѣ письма Огарева и Тургенева, не счелъ нужнымъ перепечатать и очень цѣнныя письма Вѣлинскаго и В. Воткина къ Анненкову. Существеннымъ недостаткомъ книги слѣдуетъ признать и отсутствіе указателя именъ.

С. А.

С. А. Венгеровъ. Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. 2-е изданіе. Съ прибавленіемъ этюда „Побѣдители или побѣжденные (О модернизмѣ)“. Слб. 1909. Стр. 88. Цѣна 40 н.

Интересная лекція, прочитанная г. Венгеровымъ въ 1897 году и доказывающая, что „наша литература никогда не замыкалась въ сферѣ чисто-художественныхъ интересовъ и всегда была каедрой, съ которой раздавалось учительное слово“,—хорошо извѣстна русскому читателю и въ новой рекомендаціи не нуждается. Цѣнность новаго изданія этой замѣчательной лекціи, заканчивающейся восторженнымъ гимномъ въ честь Вѣлинскаго, увеличивается приложенной къ ней статьей „О модернизмѣ“. Декадентство и символизмъ девяностыхъ годовъ смущали г. Венгерова своимъ аморализмомъ и аполитизмомъ, и онъ видѣлъ въ этихъ новыхъ теченіяхъ, зародившихся „въ черныя дни полнаго торжества Побѣдоносцевщины“, отступленіе отъ священныхъ завѣтовъ русской литературы. Но „мощныя волны освободительнаго движенія окончательно опрокинули декадентство“, и новыя теченія вошли въ старое русло русской литературы. Вѣглый обзоръ литературной дѣятельности или краткія характеристики Чехова, Горькаго, Леонида Андреева, Мережковскаго, Минскаго, Вальмонта-Федора Сологуба, Александра Блока, Андрея Вѣлаго, Вячеслава Иванова, Валерія Брюсова, Бор. Зайцева и др. приводятъ оптимиста-автора къ выводу, что „учительный элементъ достигъ въ современной литературѣ замѣчательнаго напряженія“, что въ ней живъ также и „старый духъ призыва къ подвигу“. Такимъ образомъ „основныя черты“ русской литературы, по спорному мнѣнію г. Венгерова, остаются господствующими и въ самыхъ новѣйшихъ ея теченіяхъ.

С. А.

Ивановъ-Разумникъ. О смыслѣ жизни, Федоръ Сологубъ, Леонидъ Андреевъ, Левъ Шестовъ. Похвальную и по обстоятельствамъ времени

совсѣмъ не лишнюю задачу поставилъ себѣ г. Ивановъ-Разумникъ. Онъ счелъ себя вполне подготовленнымъ повѣдать русскому читателю о томъ, что думаетъ наша современная литература о смыслѣ жизни. Г-нъ Ивановъ-Разумникъ прекрасно знаетъ, что вопросъ этотъ имѣетъ большую традицію вообще и въ частности въ нашей отечественной литературѣ, но онъ полагаетъ, что можно ограничиться Соллогубомъ, Андреевымъ и Шестовымъ, такъ какъ эти три писателя кладутъ вопросъ о смыслѣ жизни въ основу своего міропониманія и являются въ то же время наиболѣе выдающимися представителями современного русскаго художественно-философскаго творчества. Вотъ результаты и аргументація изслѣдованія г. Иванова-Разумника. Соллогубъ смыслъ жизни видитъ въ—смерти. Это странно, но это такъ. Жизнь всегда была мѣщанкой, дебелой румяной бабой, всегда таковой и будетъ—и положительно нѣтъ никакой возможности избавиться отъ этого мѣщанства, „среднопозиция“ тожъ, въ самой жизни и водворить въ ней какой нибудь смыслъ, кромѣ смерти, которая всему уготовить конецъ. Правда, Соллогубъ не сразу остановился на смерти, а какъ бы сказать, прицѣпляется еще попеременно то къ „блаженному безумію“, то къ нѣкой обфитованной землѣ „Ойл“, которая съ полнотой времени будетъ обрѣтена въ силу божескихъ предначертаній, то къ красотѣ тѣлесной, но это только этапы пути, а не цѣль пути—смерть.

Такъ же безнадежно, хотя съ нѣкоторымъ пресвѣтомъ въ сторону осмысленности жизни, обстоитъ дѣло у Андреева. Андреевъ—прямая противоположность Соллогубу. Тамъ жизнь смысла не имѣетъ, потому что еще не наступила смерть, здѣсь жизнь лишается смысла потому, что все равно наступитъ подъ конецъ смерть и все пойдетъ прахомъ. Выпутывается изъ своего положенія Андреевъ неуверенно, капризно и, такъ сказать, своевольно. То ему кажется, что объективно, т. е. внѣ человѣческихъ усилій, желаній и пр. жизнь не имѣетъ ровно никакого смысла, но имѣетъ его субъективно; то ему дѣло представляется наоборотъ, что жизнь имѣетъ объективный смыслъ—дескать гдѣ-то, когда-то, для чего-то, такъ сказать *in abstracto*, и не имѣетъ никакого смысла для человѣческой личности, которая все равно умретъ. Иной разъ Андреевъ какъ бы одновременно играетъ и объективнымъ, и субъективнымъ смысломъ, изъ чего, впрочемъ, вытекаетъ, что Андреевъ не такъ склоненъ увѣрывать въ субъективную осмысленность жизни, какъ въ объективную бессмысленность ея. Неудивительно, полагаетъ г. Ивановъ-Разумникъ: Андреевъ, Соллогубъ—поэты, художники, они преступно берутъ великую проблему, они небогаты философскимъ образованіемъ и не отличаются устойчивостью.

Другое дѣло—Л. Шестовъ. Онъ для г. Иванова-Разумника—не только *un philosophe*, но *un philosophe*. Онъ и Шекспира интерпретировалъ, какъ никто въ мірѣ. Онъ далъ и оцѣнку Ницше, „едва-ли не лучшую въ мировой литературѣ“. Мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, такъ ли это. Теперь только о томъ, что г. Ивановъ-Разумникъ нашелъ у Льва Шестова по части смысла жизни. И Шестовъ, подобно Соллогубу, продѣлалъ на этотъ счетъ нѣкоторую эволюцію, только въ другой плоскости. Случайность—вотъ что, по мнѣнію Шестова, лишаетъ жизнь всякаго смысла. Сначала Шестовъ боролся со случайностью во имя объективной нѣлесообразности при помощи драмъ Шекспира, потомъ тѣмъ же Шекспиромъ онъ разрушилъ всякій объективный смыслъ жизни и водрузилъ опять звамя безнадежности и случайности. Наконецъ онъ остановился на томъ, что жизнь смысла не имѣетъ никакого, но что ее тѣмъ не менѣе надо любить со всѣмъ ея безмолвіемъ и уродствомъ. *Amor fati* цитируетъ г. Ивановъ-

Разумникъ по Шестову Нище и воображаетъ, что Нище понималъ этотъ лозунгъ точь-въ-точь, какъ Шестовъ. Впрочемъ, г. Ивановъ-Разумникъ съ Шестовымъ только наполовину согласенъ. Онъ чрезвычайно радъ за него, что онъ снизошелъ къ любви жизни, несмотря на ея безсмысліе, но полагаетъ, что любовь эта съ надрывомъ, что это любовь подпольнаго человѣка, тогда какъ настоящая любовь—это любовь „надпольнаго человѣка“, т.-е. такого, который также считаетъ жизнь большою нелѣпницей съ „объективно-позитивной“ и съ мистически-объективной (терминовъ г. Иванову-Разумнику не занимать) стороны, попросту космическую и историческую жизнь считаетъ пустякомъ, но который любить ее тѣмъ не менѣе жаркою любовью за свои субъективныя цѣли, за свою жажду подвига, борьбы, идеала. Тѣмъ паче, что онъ, т.-е. субъективныя цѣли и связываютъ „имманентно-субъективнымъ“ путемъ отдѣльную „надпольную“ личность съ обществомъ и съ міромъ, съ прошлымъ и съ будущимъ. Вотъ и все. Небольшую, должно быть, книжку написалъ г. Ивановъ-Разумникъ о смыслѣ жизни?—спроситъ читатель. Нѣтъ, не малую—312 страницъ. Но это и немудрено, если написать книгу въ значительной части изъ цитатъ, а остальную часть ихъ безконечныхъ повтореній, да еще съ какой-то вымученной, совершенно ненужной терминологіей. Надо прямо сказать: такая веряшливость мысли прямо непозволительна. Читаешь г. Иванова-Разумника, словно по тайгѣ ходишь, все какъ будто одну и ту же страницу читаешь. Авторъ—трудолюбивый и добросовѣстный писатель и долженъ же онъ понимать, что не въ количествѣ страницъ суть всякой книги! Но это относительно формы авторской мысли... На нѣтъ и суда нѣтъ. А вотъ и содержаніе ея. Неужели нужно было объявить космическую жизнь (мистико-объективную—по терминологіи автора) и историческую жизнь (позитивно-объективную—по терминологіи автора) безмыслицей для того, чтобы сказать то, что авторъ сказалъ, т.-е. что жизнь имѣетъ для человѣка смыслъ постольку, поскольку онъ находитъ въ ней смыслъ, т.-е. самую обыкновенную тавтологію, трюизмъ? Съ какой стороны авторъ видитъ опасность въ исканіи объективнаго смысла жизни? Вообще ли плохо отъ того, что человѣкъ ищетъ связи между своею жизнью и историческимъ и міровымъ опытомъ, слѣдовательно историческимъ и міровымъ смысломъ, или эта опасность особенно велика у насъ въ Россіи, по преимуществу субъективно настроенной? Я имѣю идеалъ, цѣли, желанія, субъективныя, конечно; чтожъ? испарятся они отъ того, что я буду согласовать ихъ съ условіями жизни, историческаго прошлаго и даже космической эволюціи, если это нужно? Не туда гнетъ,—скажетъ авторъ. Я не объ этомъ смыслѣ жизни говорю. Я начытался Достоевскаго и вмѣстѣ съ нимъ размышляю, какое счастье завтра вознаградитъ за слезу, пролитую безвозмездно вчера? Никакое. Но вѣдь слезу эту не сотреть съ лица земли и самый что ни на есть имманентный субъективизмъ. На одно выходить, значить, и на одно выходить потому, что такъ ставить вопросъ о смыслѣ жизни по меньшей мѣрѣ не имѣетъ никакого смысла, хотя это и дѣлалъ Достоевскій. Когда мы говоримъ о смыслѣ жизни, рѣчь идетъ не о воскрешеніи мертвыхъ, а объ устроеніи живыхъ согласно возможностямъ въ будущемъ. Объ этихъ элементарныхъ вещахъ долженъ былъ подумать авторъ хоть немного, прежде чѣмъ счелъ себя вполне подготовленнымъ для своей далеко не лишней задачі.

Г. П.

Проф. Р. Випперъ. Очерки изъ исторіи Римской имперіи. Москва 1908. 4 5 стр.

Книга проф. Виппера составила изъ лекцій, читанныхъ имъ въ московскомъ университетѣ. Ея содержаніе—исторія событій двухъ послѣд-

Современный
мир.

1909. №3

236